

7780

795

2758/1900

28

ТЕОДОРЪ,
ЕПИСКОПЪ МОПСУЕСТСКІЙ.

Петра Гурьева.

инв. 5722

Серия 3034

МОСКВА.

Типографія Л. и А. Снегиревыхъ.
Остоженка, Савеловскій переулокъ, собственный домъ.
1890.

✓ C 792. 90

Отъ Московскаго духовно-цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Москва. Ноября 27 дня 1889 года.

Цензоръ Священникъ *Иоаннъ Петровичъ Петровъ*.

ВВЕДЕНІЕ.

Антиохійская школа; ея направленіе, разсматриваемое въ отличіи отъ направленія школы Александрійской; значеніе ея въ области богословія вообще и экзегетики въ частности; важность изученія ученой дѣятельности ея представителей. Предметъ нашего изученія—ученая дѣятельность Θεодора епископа Мопсуестскаго. Планъ, которому мы будемъ слѣдовать въ нашемъ сочиненіи.

Въ концѣ III вѣка двумя учеными пресвитерами Лукіаномъ и Дореемъ была основана въ Антиохіи школа, въ которой богословствующая мысль приняла направленіе совершенно отличное отъ господствовавшаго въ то время направленія въ Александріи. Благодаря цѣлому ряду выдающихся представителей, преемственно слѣдовавшихъ другъ за другомъ, эта новая школа быстро развивается и получаетъ прочную организацію. Вполнѣ вѣроятно, что она уже при самыхъ своихъ основателяхъ являлась не только школою въ обширномъ смыслѣ этого слова, именно какъ общество лицъ, находившихся въ духовной зависимости отъ Лукіана и слѣдовавшихъ его методу при объясненіи Св. Писанія, но и правильно организованнѣмъ и устроеннѣмъ богословскимъ учебнымъ заведеніемъ по образцу существовавшихъ тогда въ Сиріи школъ ¹⁾. Выс-

¹⁾ Такого мнѣнія объ Антиохійской школѣ держится Кнѣз. См. его сочиненіе „Theodor von Mopsuestia und Junilius Africanus“ (Freiburg, j. 1880).

шаго своего развитія она достигаетъ уже къ концу IV вѣка, когда представителями ея являются такія выдающіеся лица, какъ Діодоръ Тарсійскій, Іоаннъ Златоустъ и Θεодоръ Мопсуестскій.

Но что-же такое она была по своему направленію? Чтобы дать краткій, но ясный отвѣтъ на этотъ вопросъ, мы должны обратить вниманіе на тѣ особенности, какими отличалось направленіе Антиохійской школы отъ направленія школы Александрійской.

Прежде всего, оба направленія различались между собою по характеру научнаго изслѣдованія истинъ вѣры. Александрійцы были приверженцами Платоновой философіи. Они старались принципы этой философіи примѣнить къ раскрытію христіанскаго вѣроученія и думали путемъ спекулятивно-философскимъ дать твердое научное основаніе истинамъ вѣры. Климентъ Александрійскій самъ о себѣ говоритъ, что діалектическое движеніе его умозрѣнія идетъ не отъ частнаго къ общему и отъ чувственнаго къ сверхчувственному, но совершенно наоборотъ — отъ простаго и родоваго къ видовому и частному ¹⁾, и что онъ подражаетъ въ этомъ случаѣ Платону ²⁾. Оригенъ точно также жилъ въ мірѣ идей и „слишкомъ презиралъ не только тѣлесность, но и дѣйствительность“ ³⁾. Такимъ же спекулятивнымъ характеромъ, хотя и въ меньшей степени, отличалось богословствованіе и прочихъ александрійцевъ; ихъ богословствующая мысль вращалась болѣе въ сферѣ бытія сверхчувственнаго, Божественнаго, нежели человѣческаго. Направленіе ихъ духа было преимущественно идеалистическое.

Не таковы были по своему направленію антиохійцы. Со времени Павла Самосатскаго и Арія они съ особенною лю-

§ 3, р. 5—6. Впрочемъ, по его мнѣнію, внѣшнюю связь между представителями школы и внутреннюю ея организацію исторически можно указывать только со времени Діодора Тарсійскаго.

¹⁾ Stromat., lib. I, p. 70.

²⁾ Ibid. p. 60.

³⁾ Чтен. въ Общ. Люб. Дух. Просв., 1880 г. I, статья А. Доброклонскаго „Александрійская образованность“, стр. 248. Отсюда же взяты и обѣ предшествующія цитаты.

бовію обращаются къ изученію Аристотелевой философіи ¹⁾, острая діалектика которой служила для нихъ сильнымъ оружіемъ для защиты истины. Аріане, вышедшіе, какъ извѣстно, изъ Антиохійской школы, ревностно занимались изученіемъ „категорій“ Аристотеля ²⁾. Ливаній, учитель Златоуста и Θεодора, образовательною школою въ Аѳинахъ называетъ не Академію и Платона, но Аристотеля и Лицей ³⁾. Только изъ привязанности антиохійцевъ къ Аристотелю можно объяснить тотъ фактъ, что несторіане сочиненія Аристотеля переводили на сирскій языкъ вмѣстѣ съ сочиненіями своего „великаго учителя Θεодора“ ⁴⁾. Будучи образованными по Аристотелевой философіи, антиохійцы стремились познавать истины вѣры путемъ строго-разсудочнаго мышленія. Ихъ умъ сосредоточивался главнымъ образомъ на историческомъ ходѣ развитія царства Божія въ Вѣтхѣхъ и Новомъ Завѣтѣ. Они разсматривали Божественное Откровеніе при свѣтѣ исторіи какъ нѣчто положительно данное. Направленіе ихъ духа поэтому можно назвать реалистическимъ въ противоположность идеализму александрійцевъ.

Затѣмъ, весьма рѣзкое различіе между александрійцами и антиохійцами можно находить въ способѣ объясненія ими Св. Писанія. Александрійцы соотвѣтственно своему идеалистическому теченію духа держались аллегорическаго способа при изъясненіи Писанія. Слѣдуя такому способу, они легко могли отыскивать въ Писаніи или, лучше говоря, привносить въ него тѣ философскія идеи, которыя занимали ихъ умъ. Они почти повсюду стремились находить въ Писаніи таинственный смыслъ. Буквальный же смыслъ для нихъ имѣлъ лишь второстепенное значеніе. Они разсматривали его какъ внѣшнюю оболочку и покровъ таинственнаго смысла, который превосходитъ его въ такой же степени, въ какой духъ превосходитъ тѣло.

¹⁾ Kihn, „Bedeutung. d. Antiochenische Schule auf d. exegetischen Gebiete“, j. 1866, § 66, p. 75.

²⁾ Доказательство этой мысли см. въ сочин. проф. А. П. Лебедева: „Вселенскіе соборы IV и V в.“, стр. 48.

³⁾ Liban. ed. Reiske, vol. III. p. 438. Kihn, ibid.

⁴⁾ J. S. Assemani, „Bibliotheca oriental“, t. III, pars II, p. 948.

Совершенно противоположныхъ воззрѣній держались антиохійцы. Они утверждали, что въ Писаніи, прежде всего, должно отыскивать тотъ смыслъ, какой соединяли съ своими словами боговдохновенные писатели. Для отысканія такого смысла они употребляли историко-грамматическій методъ толкованія. Они обращали вниманіе при изъясненіи на поводъ, обстоятельства и цѣль, которыя опредѣляли боговдохновеннаго автора къ написанію книги, устраняли сомнительныя и двусмысленныя значенія словъ чрезъ разсмотрѣніе ихъ этимологии, замѣчали синтаксическое отношеніе предложений, логическую послѣдовательность мыслей и параллельныя мѣста, словомъ, опредѣляли смыслъ Писанія изъ дидактическихъ, грамматическихъ, лексическихъ, риторическихъ и логическихъ элементовъ ¹⁾. Но ни одинъ только буквальный смыслъ они находили въ Писаніи. Они признавали, что есть въ немъ еще и высшій таинственный смыслъ, именно пророческо-мессіанскій. Отысканіе этого смысла, по ихъ мнѣнію, должно производиться не путемъ произвольнаго толкованія текста Писанія, какъ это дѣлали аллегористы, но чрезъ тщательное изслѣдованіе текста, логической связи и параллельныхъ мѣстъ. Такимъ образомъ выработанный ими методъ толкованія Св. Писанія былъ совершенно отличенъ отъ метода alexandрійцевъ и имѣлъ вполне научный характеръ.

Наконецъ, можно усматривать различіе между alexandрійцами и антиохійцами и въ самыхъ ихъ догматическихъ воззрѣніяхъ. Особенно оно ясно выразилось въ раскрытіи ими двухъ важнѣйшихъ христіанскихъ догматовъ о Св. Троицѣ и о Лицѣ Богочеловѣка. Александрійцы, раскрывая догматъ о Св. Троицѣ, старались главнымъ образомъ выставять на видъ мысль объ единосущіи трехъ Божескихъ Лицъ. Такъ, напр., Аѳанасій Великій говоритъ: „Троица нераздѣльна и есть едина Сама съ Собой. Когда именуется Отецъ, присущи Ему и Слово Его и въ Сынъ — Духъ. И если именуется Сынъ, то въ Сынъ есть Отецъ и Духъ не внѣ Слова“ ²⁾. Напро-

¹⁾ Kihn., „Antioch. Schule“, p. 31.

²⁾ Epistola I ad. Serapionem. col. 565. Migne. Curs. patr. Gr. tom. 26; твор. св. Аѳанасія въ рус. переводѣ ч. III, стр. 25 (см. эту цитату въ со-

тивъ, антиохійцы при раскрытіи того же самаго догмата обращали свое главное вниманіе на упостасное различіе Божескихъ Лицъ. Напр., въ антиохійскомъ символѣ 341 года (извѣстномъ съ именемъ Лукіана) такъ говорится о Св. Троицѣ: „исповѣдуемъ Отца, истинно сущаго Отца, Сына, истинно сущаго Сына, Св. Духа, истинно сущаго Св. Духа, такъ что не просто и не напрасно полагаются сіи имена, но означаютъ въ точности собственную каждого изъ именуемыхъ упостась, Его чинъ и славу; почему по упостаси три, а по согласію Единъ“ (т. е. Богъ) ¹⁾. Θεодоръ Мопсуестскій въ своихъ сочиненіяхъ также съ особенною настойчивостью старается утверждать мысль объ упостасномъ различіи Божескихъ Лицъ. Такъ, въ толкованіи 1—5 ст., II гл. прор. Аггея онъ говоритъ: „Господь повелѣлъ апостоламъ: „идите, научите всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца, и Сына и Св. Духа“ (Мо. XXVIII, 19). Отсюда мы узнаемъ о собственномъ Лицѣ (πρόσωπον ἰδίον) Отца, и собственномъ Лицѣ Сына, и собственномъ Лицѣ Св. Духа, полагая въ тоже время, что каждое изъ нихъ одинаково Божественнаго и вѣчнаго существа“ ²⁾. Или во второмъ письмѣ къ пресвитеру александрійскому Артемію онъ пишетъ: „мы поклоняемся Отцу и Сыну и Св. Духу и исповѣдуемъ, что они составляютъ божественную, вѣчную и несозданную Троицу; каждое изъ этихъ (Лицъ) одной и той же сущности, т. е. они вѣчны и по истинѣ божественныя причины всѣхъ тварей. И Отецъ не по чему либо иному, а по Своей сущности достоинъ поклоненія. Такъ и Сынъ не по чему либо иному получаетъ это (поклоненіе), какъ потому, что Онъ имѣетъ такую сущность, которой прилично это поклоненіе. Равнымъ образомъ зная, что и Духъ Св. той же самой сущности, мы поклоняемся Ему ради Его сущности. Такимъ образомъ мы и при-

чиненіи проф. А. П. Лебедева „Всел. соб. IV и V в.“, стр. 95—96). Подобнаго же характера выдержки изъ сочиненій другихъ представителей александрійской школы можно читать въ сочиненіи проф. А. П. Лебедева „Исторія всел. соб. IV и V в.“, стр. 151—152.

¹⁾ Твор. св. Афанасія, ч. III, стр. 136 (см. только что процитированное сочиненіе проф. А. П. Лебедева, стр. 148).

²⁾ Migne. Patrol. curs. compl., ser. graeca, t. 66, p. 485—486.

знаемъ три лица, думая, что каждое совершенно, каждое имѣетъ одну и ту же сущность вѣчную и божественную, и каждое есть причина сотвореннаго, и поклоняемся тремъ лицамъ, вѣруя, что они имѣютъ единую по истинѣ божественную сущность“ ¹⁾. Подобно Θεодору и другіе представители антиохійской школы также настойчиво утверждали мысль объ вѣчномъ различіи Божескихъ Лицъ ²⁾ и этимъ именно они отличались отъ александрійцевъ, преимущественно обращавшихъ вниманіе на раскрытіе мысли объ единосущіи Лицъ Св. Троицы.

Точно также они, какъ мы сказали, различались между собою и въ раскрытіи догмата о Лицѣ Богочеловѣка. Александрійцы сосредоточивали свое вниманіе преимущественно на Божественной природѣ Богочеловѣка и настаивали на самомъ тѣсномъ общеніи въ Немъ естествъ. Напр., Аѳанасій Великій училъ, что „единеніе плоти съ Божествомъ Слова произошло въ матерней утробѣ“ ³⁾, что „во Христѣ видимое тѣло было тѣломъ не человѣка, но Бога“ ⁴⁾, что „Слово немощи плоти носило на Себѣ, какъ собственные, потому что плоть сія была Его“ ⁵⁾ и т. п. Напротивъ, антиохійцы преимущественно обращали вниманіе на человѣческую природу І. Христа и особенно старались утвердить мысль о различіи естествъ въ І. Христѣ, доказывая ихъ цѣлостность и полноту. Такъ, напр., Евстаѣій епископъ антиохійскій говорить: „не Слово Божіе, котораго Богъ родилъ изъ Себя, чрезъ котораго сотворены ангелы и небеса, но человѣкъ Христа. (ἄνθρωπος τοῦ Χριστοῦ), воскрешенный изъ мертвыхъ, воз-

¹⁾ [Migne, patrol. curs. compl. ser. lat. t. 67, p. 599—600]. Facundi prodefens. III, 5.

²⁾ См. выше цитир. сочин. проф. А. П. Лебедева, стр. 148—150.

³⁾ Твор. св. Аѳанасія, III, 361.

⁴⁾ ibid. III, 354.

⁵⁾ ibid. II, 425. Всѣ эти три цитаты взяты нами изъ сочиненія проф. А. П. Лебедева „Вселен. соб. IV и V в.“, стр. 84—85. Здѣсь же можно читать выдержки и изъ сочиненій другихъ александрійцевъ—Григорія Богослова и Григорія Нисскаго, приводимыя въ подтвержденіе мысли о тѣсномъ единеніи естествъ во Христѣ (стр. 85—87.)

выпадает и прославляется“ ¹⁾. Подобныя же мысли мы можем находить и въ сочиненіяхъ другихъ приверженцевъ антиохійской школы, какъ то: Евсевія еп. емисскаго, Флавіана еп. антиохійскаго и Кирилла іерусалимскаго ²⁾, не говоря уже о позднѣйшихъ представителяхъ этой школы, особенно Діодорѣ Тарсійскомъ и Θεодорѣ Мопсуестскомъ, въ сочиненіяхъ которыхъ проглядываютъ даже чисто несторианскія идеи.

Такимъ образомъ по самымъ важнѣйшимъ догматическимъ вопросамъ александрійцы и антиохійцы въ своихъ воззрѣніяхъ весьма замѣтно различались другъ отъ друга. Богословствующій умъ первыхъ сосредоточивался преимущественно на раскрытіи мысли объ единосущіи Лицъ Св. Троицы и мысли о тѣснѣйшемъ единеніи Божества и челоуѣчества въ І. Христѣ, а богословствующій умъ вторыхъ былъ направленъ къ раскрытію ученія объ уполостасномъ различіи Божескихъ Лицъ и къ доказательству мысли о различіи естествъ въ І. Христѣ.

Изъ представленнаго различія александрійской и антиохійской школъ по ихъ направленію для насъ ясно теперь выступаютъ характеристическія черты антиохійскаго направленія. Стремленіе къ познанію истинъ вѣры путемъ строго-разсудочнаго мышленія, управляемаго законами логики, употребленіе при толкованіи Св. Писанія историко-грамматическаго метода и склонность къ извѣстнаго рода догматическимъ воззрѣніямъ, особенно замѣтно обнаружившимся въ настойчивомъ раскрытіи мыслей о различіи Лицъ Св. Троицы и различіи естествъ въ І. Христѣ,—вотъ эти черты.

Благодаря такимъ особенностямъ своего направленія, антиохійская школа имѣла огромное значеніе не только для Церкви своего времени, но и для всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ. Въ области богословія вообще заслуги ея представителей выразились главнымъ образомъ въ томъ, что они направили богословствующую мысль по пути строго-разсудочнаго мышленія. Спекулятивное богословствованіе алек-

¹⁾ Migne. P. c. c., ser. gr. t. 18, p. 685 (см. „изъ ист. всел. соб. IV и V в.“, стр. 153).

²⁾ Выдержки изъ ихъ твореній, характеризующія ихъ воззрѣнія на Лице Богочеловѣка, приводятся въ сочиненіи проф. А. П. Лебедева „изъ исторіи всел. соб. IV и V в.“, стр. 154—155.

сандрийцевъ уже у Оригена дошло до крайности. И кто знаетъ, какія бы еще послѣдствія проистекли отъ него, если бы не явилось сдерживающаго его антиохійскаго направленія. Великіе учителя Церкви Афанасій Великій, Василій Великій, Григорій Богословъ и Григорій Нисскій, хотя и были по своему направленію александрийцы, однако, несомнѣнно, находились и подъ благотворнымъ вліяніемъ антиохійской школы, конечно, только косвеннымъ образомъ. И во всѣ послѣдующіе вѣка выработанный антиохійцами методъ богословствованія никогда не устранялся изъ области богословской науки. Въ настоящее время какъ на Западѣ, такъ и у насъ богословская наука разрабатывается преимущественно въ духѣ лучшихъ преданій антиохійской школы. Все это ясно показываетъ, насколько важенъ былъ избранный антиохійцами путь для разрѣшенія богословскихъ вопросовъ.

Но указаніемъ новаго пути для направленія богословской мысли еще не ограничивается заслуга антиохійцевъ. Пойдя по этому пути, они и сами достигли нѣкоторыхъ положительныхъ результатовъ въ раскрытіи ученія вѣры. Такъ, имъ главнымъ образомъ принадлежитъ заслуга яснаго и точнаго раскрытія догмата объ ипостасномъ различіи Лицъ Божества. Точно также во время христологическихъ споровъ ими съ особенною ясностію и опредѣленностію была раскрыта мысль о цѣлостности и полнотѣ естества въ І. Христѣ. Правда, изъ среды антиохійцевъ вышли виновники двухъ, бывшихъ чрезвычайно опасными для церкви, ересей—аріанства и несторіанства; но это обстоятельство нисколько не можетъ ложиться темнымъ пятномъ на антиохійское направленіе, потому что здѣсь вся вина падаетъ не на самое направленіе, а на тѣхъ лицъ, которыя, пойдя по этому направленію, не умѣли соблюдать должной мѣры.

Не меньшая, если даже не большая, чѣмъ въ области богословія вообще, была оказана антиохійцами заслуга и въ дѣлѣ изъясненія Св. Писанія. Не кому иному, какъ только имъ библейская герменевтика была обязана введеніемъ въ нее научнаго метода объясненія Св. Писанія, основаннаго на изслѣдованіи историко-грамматическаго смысла съ помощію разнаго рода вспомогательныхъ средствъ. вмѣстѣ съ этимъ

они нанесли рѣшительный ударъ господствовавшему до нихъ аллегорическому способу толкованія Св. Писанія, весьма часто приводившему пользовавшихся имъ лицъ къ пустой лишь игрѣ фантазіи. Подъ благотворнымъ вліяніемъ ихъ экзегетическаго метода находились Василій Великій, Григорій Богословъ, Григорій Нисскій и другіе приверженцы александрійскаго направленія. Многочисленные комментаріи антиохійцевъ на Св. Писаніе постоянно служили и доселѣ продолжаютъ служить для экзегетовъ прекраснѣйшимъ руководствомъ къ изъясненію Св. Писанія. Это обстоятельство, какъ нельзя лучше, свидѣтельствуешь, на сколько было важно и плодотворно значеніе антиохійцевъ въ области экзегесиса.

Послѣ всего сказаннаго о значеніи антиохійской школы въ области богословія вообще и экзегесиса въ частности само собою становится понятнымъ, на сколько важнымъ и полезнымъ можетъ быть для богослова всестороннее изученіе ученой дѣятельности представителей этой школы. Только путемъ такого изученія можно выяснить тѣ принципы антиохійскаго направленія, которые такъ высоко поставили его въ области богословской науки и которые доселѣ еще продолжаютъ въ ней господствовать. И только тоже самое изученіе можетъ привести къ правильному и вѣрному пониманію тѣхъ горячихъ и оживленныхъ догматическихъ споровъ, которые волновали Церковь въ IV и V вѣкахъ. Поэтому мы полагаемъ, что не излишній трудъ мы на себя возьмемъ, если попытаемся изучить ученую дѣятельность хотя одного изъ представителей антиохійской школы.

Для своего изученія мы думаемъ избрать Θεодора епископа Мопсуестскаго. Остановить на немъ выборъ заставляетъ насъ, прежде всего, его выдающееся положеніе въ антиохійской школѣ. Если разсматривать его ученую дѣятельность независимо отъ допущенныхъ имъ въ ней крайностей, то нужно признать, что онъ былъ наилучшимъ выразителемъ господствовавшаго въ антиохійской школѣ направленія богословствующей мысли. Всѣ главнѣйшія характеристическія черты этого направленія онъ съ особенною полнотою и ясностію отразилъ въ своихъ произведеніяхъ. Такъ, принятый антиохійскою школою историко-грамматическій ме-

тодѣ изъясненія Св. Писанія ни у кого изъ антиохійцевъ не имѣлъ такого широкаго примѣненія къ изъясненію Св. Писанія, какое онъ имѣлъ у 'Θеодора. Точно также господствовавшее въ антиохійской школѣ строго-разсудочное изслѣдованіе истинъ вѣры ни у кого изъ ея представителей не нашло такого опредѣленнаго выраженія, какъ у Θеодора. Словомъ, онъ болѣе всѣхъ другихъ антиохійцевъ былъ послѣдователенъ въ проведеніи началъ своей школы. Лучшимъ и наиболѣе нагляднымъ доказательствомъ правильности этой мысли можетъ служить тотъ фактъ, что когда хотятъ опредѣлить, насколько тотъ или другой изъ антиохійцевъ былъ вѣренъ направленію своей школы, то прямо дѣлаютъ сравненіе его съ Θеодоромъ. Такъ, напр., Ферстеръ сравниваетъ съ Θеодоромъ св. Іоанна Златоуста ¹⁾, Шпехтъ сравниваетъ съ нимъ бл. Θеодорита ²⁾, Кинъ — Юнилія африканскаго. Это явленіе ясно указываетъ на то, что Θеодоръ по лучшимъ сторонамъ своей ученой дѣятельности былъ вѣрнымъ и точнымъ выразителемъ духа своей школы. Онъ былъ, по выраженію одного изъ нашихъ ученыхъ, столпомъ антиохійской школы и составлялъ ея центръ. Въ его писаніяхъ и дѣятельности наиболѣе отразился характеръ школы, онъ былъ главнымъ глашатаемъ ея идей, и изъ его сочиненій и дѣятельности можетъ быть наиболѣе извѣстно направленіе этой школы ³⁾. Будучи такимъ, онъ при своей огромной литературной производительности долженъ былъ высоко поднять значеніе антиохійской школы. И дѣйствительно время высшаго ея процвѣтанія падаетъ на періодъ дѣятельности въ ней Θеодора. Имѣя въ виду такое выдающееся положеніе Θеодора въ антиохійской школѣ, мы въ этомъ обстоятельствѣ и находимъ для себя одно изъ побужденій избрать предметомъ настоящаго нашего изслѣдованія ученую дѣятельность Θеодора.

Кромѣ того, къ занятію изученіемъ ученой дѣятельности Θеодора побуждаетъ насъ еще и то, что въ нашей русской церковно-исторической литературѣ вовсе не имѣется о ней

1) Foerster, Chrysostomus in seinem Verhältniss zur antioch. Schule“.

2) Specht. „Der exeget. Standpunkt d. Theodor von Mopsuestia und Theodoret von Kyros“.

3) Профес. А. П. Лебедева. „Изъ исторіи вселенск. соб. IV и V в. стр. 137—138.“

никакихъ специальныхъ изслѣдованій. Если нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ и останавливали на ней свое вниманіе, то лишь на столько, на сколько это было необходимо для нихъ при выполненіи ими принятой на себя извѣстной задачи. Такъ, въ статьѣ профес. А. П. Лебедева „споръ о трехъ главахъ и V вселенскій соборъ“ ¹⁾ излагаются въ краткомъ очеркѣ догматическія и экзегетическія заблужденія Θεодора. Въ сочиненіи А. Доброклонскаго: „сочиненіе Факунда, епископа Герміанскаго: „въ защиту трехъ главъ“ представляются въ систематическомъ порядкѣ хринологическія воззрѣнія Θεодора. Если еще мы упомянемъ о статьѣ П. Соколова: „толкованіе ветхозавѣтныхъ писаній въ антиохійской школѣ“, въ которой дѣлается, между прочимъ, краткая характеристика направленія экзегесиса Θεодора ²⁾, то этимъ исчерпаемъ все, что было говорено въ нашей литературѣ объ ученой дѣятельности Θεодора. Въ виду такой недостаточности у насъ изслѣдованій о Θεодорѣ мы думаемъ, что не будетъ съ нашей стороны излишнимъ дѣломъ, если мы примемъ на себя трудъ изучить ученую дѣятельность Θεодора во всемъ ея объемѣ ³⁾.

¹⁾ Душенполез. Чтен., 1875 г., III.

²⁾ Чтен. въ Общ. Люб. Дух. Просвѣщ., 1887 г., декабрьская книжка, стр. 415—419.

³⁾ Не лишнимъ считаемъ здѣсь сдѣлать замѣчаніе о наиболѣе важныхъ существующихъ въ западной литературѣ пособіяхъ, служившихъ для насъ при настоящемъ нашемъ изслѣдованіи о Θεодорѣ. Такъ, прежде всего, слѣдуетъ отмѣтить сочиненіе Фритче „De Theodori Mopsuesteni vita et scriptis commentatio“. Въ этомъ сочиненіи, кромѣ подробнаго сообщенія біографическихъ свѣдѣній о Θεодорѣ, дается полное и обстоятельное изслѣдованіе вопроса о сочиненіяхъ Θεодора. Хотя это сочиненіе и появилось еще въ 1836 году, однако и доселѣ оно не утратило еще своего значенія въ наукѣ, чему яснымъ доказательствомъ служить то обстоятельство, что на него постоянно ссылаются ученые, когда имъ приходится вести рѣчь о томъ или другомъ сочиненіи Θεодора. Впрочемъ, нельзя всетаки не признать его для настоящаго времени и нѣсколько устарѣлымъ, такъ какъ произведенныя послѣ появленія его въ свѣтъ открытія латинскаго перевода комментарія Θεодора на меньшія посланія Ап. Павла, а также и сирскихъ отрывковъ изъ сочиненія Θεодора о воплощеніи и изъ толкованія на кн. Бытія даютъ возможность къ составленію болѣе полнаго представленія о характерѣ сочиненій Θεодора.— Затѣмъ, послѣ сочиненія Фритче заслуживаетъ особеннаго вниманія сочиненіе Кина „Theodor von

Чтобы приступить къ такому ея изученію, скажемъ предварительно нѣсколько словъ о планѣ, по которому мы будемъ вести это изученіе.

Mopsuestia und Junilius Africanus, als Exegeten“. Хотя авторъ этого сочиненія поставляетъ главною своею задачею доказать ту мысль, что Юнплій африканскій въ своемъ сочиненіи „*instituta regularia divinae legis*“ слѣдовалъ Теодору Мопсуестскому, однако это не помѣшало ему сообщить о послѣднемъ довольно подробныя біографическія свѣдѣнія, сдѣлать весьма полную характеристику его экзегесиса и изложить въ систематическомъ порядкѣ его антропологическія и христологическія воззрѣнія. Экзегесисъ Теодора Кинъ на столько подробно характеризуетъ, что, кажется, ничего не упустилъ изъ виду, что серьезнаго было высказываемо предшествовавшими ему учеными о томъ же самомъ предметѣ, напр., Зиффертомъ въ сочиненіи „*Theodorus Mopsuestenus veteris Testamenti sobrie interpretandi vindex*“, Шпехтомъ въ сочиненіи „*Der exegetische Standpunkt d. Theodor v. Mopsuestia und Theodoret von Kyros*“ и другими. Далѣе, нужно отмѣтить тѣ сочиненія, въ которыхъ излагаются догматическія воззрѣнія Теодора въ болѣе или менѣе полномъ и систематическомъ порядкѣ. Такъ, Неавдеръ въ IV томѣ своего труда „*allgem. Geschich. d. christl. Religion*“ (aufl. IV) представляетъ въ систематическомъ порядкѣ христологическія и антропологическія воззрѣнія Теодора. Ферстеръ въ своемъ сочиненіи „*Chrysostomus in seinem Verhältniss zur antioch. Schule*“, сравнивая экзегетическія и догматическія воззрѣнія Іоанна Златоуста съ такими же воззрѣніями Теодора, даетъ по мѣстамъ этимъ послѣднимъ краткую, но вѣрную характеристику. Свитъ въ своемъ предисловіи къ изданному имъ латинскому переводу комментарія Теодора на меньшія посланія Ап. Павла представляетъ краткое систематическое изложеніе догматическихъ воззрѣній Теодора, сдѣланное имъ на основаніи однихъ только комментарий послѣдняго на посланія Ап. Павла. Вёртеръ въ своемъ сочиненіи „*Der pelagianismus nach seinem Ursprunge und seiner Lehre* (1866 j., Freiburg), говоря объ отличіи ученія Пелагія отъ ученія Теодора, довольно обстоятельно излагаетъ сужденія послѣдняго о человѣкѣ, объ поскупеніи и объ оправданіи человѣка. Еще можно указать на систематическое изложеніе христологическихъ и антропологическихъ воззрѣній Теодора, представляемое Дорнеромъ во II части своего труда „*Entwicklungsgeschichte der Lehre von der Person Christi*“ и Бауромъ въ I части своего сочиненія „*Die christl. Lehre von der Dreieinigkeit und Menschwerdung Gottes in ihrer geschichtlichen Entwicklung*“ (Tübingen, 1841 j.). Впрочемъ, относительно изложенія обоими этими авторами, особенно Бауромъ, воззрѣній Теодора мы должны замѣтить, что оно отличается слишкомъ субъективнымъ характеромъ, а потому оно было очень мало намъ полезно при нашемъ изложеніи догматическихъ воззрѣній Теодора. Наконецъ, нельзя не упомянуть еще о сочиненіяхъ нѣкоторыхъ ученыхъ XVIII и даже XVII столѣтія, въ которыхъ болѣе или менѣе обстоятельно излагаются свѣдѣнія о жизни и

Прежде всего, мы сообщимъ дошедшія до насъ біографическія свѣдѣнія о Θεодорѣ. Затѣмъ, сказавши вообще о судьбѣ, постигшей его сочиненія, перейдемъ къ разсмотрѣнію его сочиненій, сначала, герменевтическихъ и экзегетическихъ, а потомъ догматико-полемиическихъ, апологетическихъ, сочиненій практическаго характера и писемъ. Изучивши эти сочиненія, представимъ, далѣе, изложеніе его воззрѣній экзегетическихъ и догматическихъ. Въ заключеніе сдѣлаемъ краткій очеркъ споровъ, возникшихъ о немъ въ Церкви послѣ его смерти.

сочиненіяхъ Θεодора. Къ такимъ именно сочиненіямъ нужно отнести Тильмона „Memoires pour servir a l'Histoire Ecclesiastique des six premiers siecles“ (Т. XII, pp. 433—453), Фабриція *bibliotheca graeca* (t. X, ed. Harles, p. 347 seq.), Каве „scriptor. ecclesiast. historia literaria“ (t. I, col. 210 seq.), Селье „Histoire generale des auteurs“ (t. X, p. 488 seq.), Шрекке „Christliche Kirchengeschichte“ (Th. XV, p. 176 ff.) и др. Кромѣ перечисленныхъ сочиненій, служили для насъ пособіями еще и нѣкоторые другія сочиненія, о которыхъ мы будемъ упоминать при дальнѣйшемъ нашемъ изслѣдованіи о Θεодорѣ.